„БИБЛІОТЕКА НАШИХЪ ДѢТЕЙ"
основанная Е. В. ЛАВРОВОЙ и Н. А. ПОПОВЫМЪ.

Е. Гадмеръ.

Около желѣза и золота.

Очеркъ изъ жизни уральскихъ рабочихъ

Съ 10 рисунками.

2-е ИЗДАНІЕ.
Печатано безъ сокращенія съ 1-го изданія, допущеннаго Ученымъ Комитетомъ М. Н. П.
въ ученическія библіотеки начальныхъ училищъ.

Изданіе Т-ва О. Н. ПОПОВОЙ
С.-Петербургъ, Гороховая, 51.
1913.

Тип. Г. Шумахера и Б. Брунера (Екатерин. каналъ, 94).

На рудникѣ.

Солнце только-что поднималось надъ землей.

Казалось, оно жалѣло такъ рано будить ее и не спѣшило развѣять чары сна, которыми она была окутана. Косые лучи, вырвавшись изъ-за горизонта, бережно скользнули по дальнимъ вершинамъ горъ, по макушкамъ деревьевъ, золотыми огоньками загорѣлись на маковкахъ сельской церкви и потомъ уже заглянули въ окна бревенчатыхъ избъ, разсыпавшихся по пригорку надъ быстрой и свѣтлой рѣкой. Лѣсъ дремалъ, одѣтый туманной утренней дымкой, полный утренней свѣжести и прохлады. Одинокій голосъ рано проснувшейся птички, рѣдко и протяжно покрикивавшей гдѣ-то въ глубинѣ чащи, не нарушалъ глубокой, торжественной тишины, наполнявшей окрестность.

Изъ калитки полуразвалившейся избы, стоявшей на окраинѣ села, вышли два человѣка съ котомками за плечами и, помолившись на церковь, направились къ лѣсу.

Изъ отвореннаго окошка вслѣдъ имъ смотрѣла какая-то женщина, отъ солнца прикрывая рукой запыленные глаза.

Вскорѣ оба путника скрылись за деревьями.

Старшему изъ нихъ не было и сорока лѣтъ; на видъ же ему казалось гораздо больше. Сутуловатый, узкоплечій, съ блѣдными впалыми щеками, съ жиденькой безцвѣтной бородкой и тусклыми слезящимися глазами, онъ производилъ впечатлѣніе человѣка слабаго и нездороваго, надорвавшагося на непосильной работѣ.

Съ перваго же взгляда на него можно было узнать въ немъ рабочаго съ рудника. Вся его одежда, начиная съ домотканной сермяги и кончая неуклюжими сапогами, носила слѣды крѣпко въѣвшейся въ нее красной пыли, которая обыкновенно сопровождаетъ желѣзную руду.

Что же касается его товарища, то послѣднему, какъ видно, до сихъ поръ не приходилось имѣть дѣло съ рудой; платье и обувь его безъ словъ говорили объ этомъ.

На видъ ему нельзя было дать болѣе одиннадцати-двѣнадцати лѣтъ.

Сквозь густой загаръ, покрывавшій его лицо, пробивался яркій, здоровый румянецъ. Но выраженіе лица было хмурое и печальное.

Опущенные глаза сосредоточенно смотрѣли внизъ, не видя ничего вокругъ.

Мальчикъ шелъ охотя, то-и-дѣло замедляя шаги, какъ бы надѣясь, что есть еще возможность вернуться, не идти туда, куда онъ шелъ.

— Эй, Гришка! чего отстаешь?—помнутно окликалъ его спутникъ.

Гриша прибавлялъ шагу, не переставая упорно думать о чемъ-то, но мало-по-малу снова начиналъ отставать.

Видно было, что его тяготило что-то, что въ немъ шла упорная борьба.

— Дядя Герасимъ!—робко позвалъ онъ, остановившись неожиданно, когда тропинка вышла на трактъ.

— Чего тебѣ?—не оборачиваясь, отозвался дядя.

— Я не пойду.

Это заявленіе было такъ неожиданно, что Герасимъ въ недоумѣніи остановился, не зная, смѣяться ему или разсердиться.

Съ минуту онъ молчалъ, въ упоръ глядя на Гришу, но потомъ рѣшилъ, должно быть, что ему, какъ дядѣ, болѣе прилично будетъ разсердиться или по крайней мѣрѣ прикинуться сердитымъ.

— Ты, Гришка, не дуря, а то вотъ!..

Выразительный жестъ, которымъ онъ докончилъ свою угрозу, заставилъ Гришу повѣрить въ ея дѣйствительность.

Онъ понялъ, что сопротивляться безполезно, и пошелъ, повуривъ голову и глотая слезы.

Герасиму, видимо, стало жаль племянника.

— Эхъ, ты!.. кислятина!—сказалъ онъ уже болѣе мягкимъ тономъ:—нашелъ, о чемъ нюнить! Меня по одиннадцатому году въ работу отдали, да я не ревѣлъ. А тебѣ ужъ, слава тебѣ, Господи, тринадцатый идетъ.

— Самъ ты говорилъ, что работа тяжелая,—сквозь слезы протянулъ Гриша. Ему стало страшно за бу-

дущее. „Развѣ я могу ихъ прокормить?“ съ тоской подумалъ онъ.

Какъ бы угадавъ его мысль, дядя замѣтилъ ему въ утѣшеніе:

— Словъ нѣтъ, какой ты еще работникъ! Много тебѣ и не дадутъ. А все же матери будетъ полегче, какъ станешь ей хоть сколько-нибудь приносить... Благодари Бога, что работа нашлась, а легкая ли, тяжелая ли она, про это забудь.

Гриша вздохнулъ и проворно зашагалъ, стараясь не отставать отъ дяди.

Ихъ, то и дѣло, обгоняли рабочіе съ пустыми тарантайками, ѣхавшіе на рудникъ и на сосѣдніе-пріиски.

Когда въ воздухѣ началъ чувствоваться рѣзкій запахъ гари, и въ глубинѣ лѣса стала замѣтна голубоватая мгла, стлавшаяся между стволами сосенъ, дядя Герасимъ замѣтилъ:

— Ну, теперь и до нашего рудника недалеко.

Около этого послѣдняго находилось обширное торфяное болото, дымившееся не первый годъ. Скоро оно развернулось во всю ширь передъ удивленными глазами Гриши, еще ни разу не бывавшаго въ этой мѣстности.

Лѣсъ прорывался по одну сторону дороги и, отступая вдаль, къ подножью горъ, волнистой грядой стоявшихъ на горизонтѣ, открывалъ широкую равнину, поросшую болотнымъ кустарникомъ и мелкой, чахлой порослью сосняка.

Что было замѣчательнаго въ этомъ болотѣ, такъ это единственно то, что оно все курилось, окутанное дымомъ, тонкими струйками подымавшимся съ земли.

Казалось, будто безчисленныя кадильницы были спрятаны подъ мшистыми кочками и дымъ отъ нихъ съ трудомъ пробивался сквозь траву и кустарникъ.

— Это что за дымъ?—въ недоумѣніи спросилъ Гриша.

— Вишь, торфа горятъ,—отвѣтилъ дядя.

— Пошто горятъ?

— Зажгли, такъ и горятъ.

— Пошто зажгли?

— Значитъ, надо... Выгорятъ торфа, такъ ихъ ужъ не снимать. Легче будетъ доставать руду... А вотъ и нашъ рудникъ,—прибавилъ Герасимъ, указывая рукой въ ту сторону, гдѣ виднѣлись какія-то постройки. Рядъ небольшихъ бревенчатыхъ домиковъ и низенькихъ землянокъ, крытыхъ дерномъ, группировался около дома побольше и почище остальныхъ.

Можно было бы подумать, что это какой-нибудь уединенный поселокъ, если бы не зданіе съ высокой желѣзной трубой, стоявшее поодаль. Видно было, что это не простой домъ, но человѣческое жилище, а что-то особенное, для чего, вѣроятно, и появились здѣсь остальныя зданія.

Кто бывалъ на Уралѣ и видѣлъ, какъ тамъ добываются золото и руда, тотъ сразу узналъ бы, что это за зданіе; но Гриша видѣлъ его въ первый разъ. До этого времени ему не приходилось бывать за предѣлами своего роднаго села.

Дядя объяснилъ ему, что это корпусъ, гдѣ стоитъ машина.

Мальчикъ не удовлетворился этимъ отвѣтомъ.

— Какая машина? на что она? — задавалъ онъ вопросъ за вопросомъ. Дядя отвѣчалъ, какъ умѣлъ.

— Извѣстно, какая: паровая... Кабы руду чистую изъ земли доставали, тогда бы и разговоръ коротокъ: вези ее прямо на заводъ да сыпь въ домну. А то вѣдь она глиной да грязью вся обросла; значитъ, надо ее сначала промыть. Для этого самаго и корпусъ выстроенъ, и машина поставлена, и колоса разныя понадѣланы.

— А зачѣмъ двѣ трубы, и одна дугой изогнута?

— Это одна и та же, только надвое раздѣлена. Видишь, между той и другой желѣзный ящикъ сдѣланъ, бакъ называется. Въ немъ вода налита. Сначала дымъ идетъ по кривой трубѣ въ этотъ бакъ, а оттуда черезъ воду выходитъ въ прямую трубу, чтобы искры наружу не вылетали, а гасли въ водѣ. Понялъ?

— Понялъ.

Кромѣ своеобразной трубы, у видиѣвшагося зданія были еще двѣ особенности, обратившія на себя вниманіе Гриши. Это съ одной стороны длинные и широкіе досчатые подмостки съ перилами, въ видѣ пологой лѣстницы, поднимавшіеся къ верхушкѣ зданія; съ другой стороны — узкій, длинный жолобъ, спускавшійся отъ верхней же части зданія далеко за отвалы.

Дядя объяснилъ ему, что подмостки, или, какъ ихъ называютъ, *эстакады*, устраиваются для того, чтобы по нимъ завозить руду, а жолобъ сдѣланъ для стока грязной воды, остающейся отъ промывки. Воды этой получается такая масса, что для ея удаленія приходится устраивать особое приспособленіе—*архимедовъ винтъ*. Онъ

поднимаетъ воду въ жолобъ, по которому она и стекаетъ въ сосѣдній оврагъ...

— Эй, Герасимъ Митричъ! постой маленько!—послышался чей-то окрикъ.

Герасимъ обернулся. Его догонялъ мужикъ въ грубой соломенной шляпѣ съ широкими полями. Тѣни

Общій видъ зданія, гдѣ производится промывка руды. Направо паровой, налѣво жолобъ для воды, оставшейся отъ промывки и поднятой архимедовымъ винтомъ.

отъ нихъ покрывала все его лицо, дышавшее веселостью и безконечнымъ добродушіемъ, хотя сквозь нихъ проглядывало что-то робкое, приниженное. Видно было, что этотъ человѣкъ, хотя онъ и не умѣетъ печалиться и сердиться, чувствуетъ всѣмъ своимъ существомъ, какая онъ маленькая и незначительная личность.

— А, Шляпа!—весело отозвался дядя Герасимъ, по-

жимая своей грубой, мозолистой рукой такую же грубую руку товарища.

Этого послѣдняго никто не называлъ иначе, какъ Шляпой. Прозвище это утвердилось за нимъ съ перваго же дня его поступленія въ рудникъ.

Штейгеръ (мастеръ, завѣдующій разработкою рудниковъ), желая подозвать къ себѣ новичка и не зная еще его имени, крикнулъ ему:

— Эй, ты, шляпа! поди-ка сюда!

Это названіе такъ всѣмъ понравилось, что никто не поинтересовался христіанскимъ именемъ обладателя шляпы, и эта кличка такъ и осталась за нимъ.

Кто-то провѣдалъ, что Шляпа боится лягушекъ и мышей, и ему почти ежедневно приподносили то ту, то другую, а то и обѣихъ заразъ. Хорошо еще, если садили ихъ къ нему въ узелокъ съ хлѣбомъ или въ рукавъ снятой сермяги; но хуже всего было, когда спускали ихъ Шляпѣ за воротъ.

— Ахъ, въ ротъ вамъ малина! или: ноготь васъ задави! — говорилъ въ такихъ случаяхъ Шляпа, смотря по степени непріятности устроенной съ нимъ шутки.

Больше всего доставалось ему отъ Кузи—шустраго, безшабашнаго парня, прозваннаго Ершомъ. Этотъ не оставлялъ Шляпы въ покоѣ даже во время работы.

Однажды изъ-за его шалости Шляпа до крови расшибъ себѣ обѣ руки. Когда онъ замахнулся *кайлой*, чтобы отбить ею кусокъ руды, Кузя-Ершъ, незамѣтно подкравшись къ нему сзади, ловко выхватилъ у него кайлу, и руки Шляпы, въ силу инерціи, ударились о твердую, какъ камень, породу.

Даже и тутъ Шляпа не могъ разсердиться; только поворчалъ немного самымъ безобиднымъ образомъ.

„Что же? обяжайте меня! Я ужъ къ этому привыкъ"...—казалось, говорила вся его фигура, особенно при встрѣчѣ съ начальствомъ, хотя бы самымъ незначительнымъ.

— Это что же, сродственникъ тебѣ будетъ?—спросилъ Шляпа, указывая на Гришу.

— Племянникъ, сирота,—отвѣтилъ Герасимъ.

— Въ работу отдаешь?

— Въ работу.

— Руду возить?

— Руду.

— Къ кому въ работники: къ Лѣшему или къ Попу?

— Нѣтъ, къ Гусиному-Горлу.

— Что же? мужикъ хорошій. Горло у него, правда, широкое, покрпчать любитъ... Лѣшій—тотъ построже будетъ.

Необходимо замѣтить, что Лѣшій и Попъ тоже были рабочіе и ничего общаго не имѣли съ настоящими попами и лѣшими.

Что дѣлать? Пріисковый людъ, какъ и вообще русскій человѣкъ,—охотникъ давать другъ другу прозвища. Подчасъ они кажутся странными и непонятными, если не знать исторіи ихъ происхожденія. Попробуй-ка, догадайся, напримѣръ, откуда произошли такія прозвища, какъ „Жертвенникъ" или „Девятый Дьяволъ"? Между тѣмъ, возникли они очень просто. „Жертвеннику" посчастливилось однажды найти самоцвѣтъ (драгоцѣнный

камень). Онъ предложилъ кому-то изъ начальства купить у него находку.

— Сколько же ты хочешь получить за него?—спросили его.

— Сколько пожертвуете.

Эта фраза была подхвачена товарищами, поднята на смѣхъ, и въ результатѣ получился „Жертвенникъ".

„Девятый Дьяволъ" возникъ еще проще: „Девятый" онъ былъ потому, что у него было восемь братьевъ старше его, а „дьяволъ" было его любимымъ бранным словомъ...

Попъ, Лѣшій и Гусиное-Горло были самыми зажиточными изъ рабочихъ, имѣли собственныхъ лошадей и отъ себя уже нанимали себѣ помощниковъ возить руду, взятую ими на отрядъ—съ куба. Такіе рабочіе, возившіе руду, называются *тощиками*.

Едва успѣли Герасимъ съ Гришей и Шляпа дойти до рудника, какъ свистокъ возвѣстилъ начало работъ. Гриша вздрогнулъ и почувствовалъ, какъ холодная дрожь пробѣжала по его спинѣ, когда оглушительный ревъ раздался надъ его головой. Ему показалось, что это ревъ какого-то грознаго чудовища, во власти котораго онъ теперь очутился.

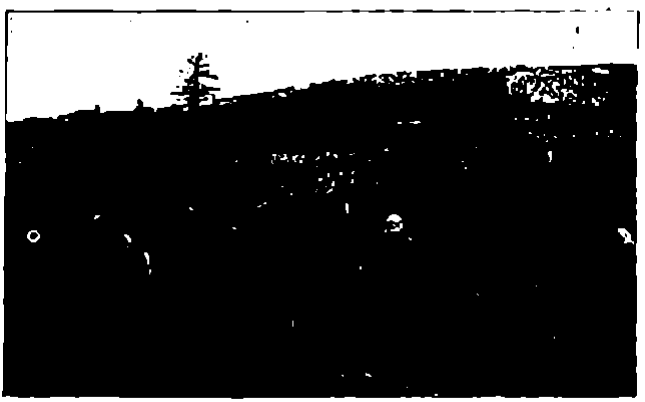
Все задвигалось, засуетилось, спѣша приняться за свой обычный трудъ.

Одинъ Куза не унимался и продолжалъ свои шутки, надъ которыми обыкновенно всѣ охотно смѣялись. Снявъ картузъ и сложивъ руки одну въ другую, онъ съ притворнымъ смиреніемъ просилъ Попа:

— Благослови, батюшка!

— Я тебя благословлю!—отвѣтилъ тотъ, съ такимъ ожесточеніемъ замахиваясь на Кузю, что всякій легко могъ догадаться, каково будетъ благословеніе.

Кузя ловко увернулся, отскочивъ, какъ мячъ, и однимъ прыжкомъ очутился на безопасномъ разстояніи,—



Часть разрѣза съ забойщиками и гонщиками.

только при этомъ чуть не сшибъ съ ногъ проходившую мимо женщину.

— Вотъ оглашенный!—сердито проворчала она.

— Матушка-Просвирня, не сердись, что на ножку наступилъ,—извинился Кузя.

Просвирня терпѣть не могла своего прозвища и разсердилась еще больше. А Кузя вертѣлся передъ ней и, притопывая, пѣлъ:

— Комаръ на ногу ступилъ, всѣ суставы раздавилъ...

Громкій хохотъ былъ ему наградой за эту шутку. Кузя окончательно разошелся, чувствуя, что его безшабашная веселость заразительно дѣйствуетъ на окружающихъ. Онъ прекрасно сознавалъ, что всюду, гдѣ бы онъ ни появлялся, онъ вноситъ съ собой смѣхъ и веселье, и онъ считалъ своею обязанностью не пропускать ни одного случая, когда можно посмѣшить товарищей.

— Безъ Кузьки-Ерша вы бы заплѣсневѣли, мохомъ бы обросли,—говаривалъ онъ имъ.

Сегодня онъ былъ особенно шутливо настроенъ, былъ, что называется, въ ударѣ. Всѣмъ, у кого было хоть какое-нибудь прозвище, онъ успѣлъ сказать что-нибудь такое, надъ чѣмъ можно было посмѣяться остальнымъ.

Ухмыляясь во весь ротъ и сдвинувъ фуражку на затылокъ, онъ посвистывалъ, придумывая, что бы ему еще такое выкинуть. Завидѣвъ Шляпу, онъ подкатился къ нему колесомъ, сшибъ съ него шляпу, надѣлъ ее на себя и гоголемъ прошелся передъ ея обладателемъ, напѣвая ему чуть не подъ самое ухо: „Черная шляпа со перомъ, эполеты съ серебромъ...“ При этомъ онъ такъ уморительно надулся и приподнялъ плечи, на которыхъ будто бы красовались эполеты, что всѣ покатились со смѣху.

— Люблю Кузю! Молодецъ Куза!—похвалялъ кто-то изъ толпы.

— Молодецъ противъ овецъ, а противъ молодца и самъ овца,—ядовито замѣтила Просвирня:—знаетъ, кого дразнить. Небось, Козла не трогаетъ... Поди-ка, сунься къ нему, коли ты такой прыткій!

„Козелъ" былъ высокій, атлетическаго сложенія человѣкъ и болѣе, чѣмъ кто-либо, сердился за свою кличку. Поэтому дразнить его считали небезопаснымъ. На такую дерзость отваживались только смѣльчаки, обладавшіе такими же здоровыми кулаками, какіе были у Козла.

Просвирня не безъ умысла помянула про него: она непрочь была бы натравить на него Кузю, котораго она недолюбливала, и охотно полюбовалась бы, какъ великанъ Козелъ далъ бы встрепку тщедушному Кузѣ.

Кузя и самъ сознавалъ, что не ему связываться съ Козломъ, но, подзадоренный Просвирней, желалъ показать свою удаль.

Прыгая, какъ козленокъ, онъ побѣжалъ за Козломъ, не переставая кричать: „мя! мя!" и ударяя себя пальцемъ по горлу, чтобы придать своему голосу большее сходство съ козлинымъ.

Козелъ побагровѣлъ отъ гнѣва и, сжавъ кулаки, бросился за смѣльчакомъ, крича:

— Помянай у меня еще, помякай, чортово отродье!

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась эта сцена, если бы сердитый окрикъ штейгера не положилъ конца шалостямъ Кузи и не заставилъ его, наконецъ, взяться за лопату.

Гриша не меньше другихъ смѣялся надъ выходками Ерша и, благодаря имъ, на время забылъ свой страхъ, который овладѣлъ имъ, когда дядя исчезъ куда-то и оставилъ его одного. Теперь, когда смѣяться больше было не надъ чѣмъ, этотъ страхъ ворвался снова.

Озираясь по сторонамъ, Гриша подумывалъ-было,

не сбѣгать ли ему подобру-поздорову, какъ вдругъ увидѣлъ дядю, шедшаго къ нему съ какимъ-то человѣкомъ.

Незнакомецъ былъ крѣпкій и коренастый, съ густой русой бородой, съ небольшими, очень свѣтлыми глазами и длинной жилистой красной шеей, похожей на шею страуса, какимъ его рисуютъ на картинкахъ.

„Гусиное-Горло", подумалъ Гриша.

Онъ не ошибся.

— Смотри, парень, не лѣнись,—обратился къ нему Гусиное-Горло: — лѣниться будешь, въ шею прогоню. Много вашего брата,—хоть прудъ пруди... А лошадь у меня чтобы не хлестать! Слышишь?.. Ну, маршъ въ разрѣзъ!

Гриша не понялъ.

— Въ какой разрѣзъ? — спросилъ онъ въ недоумѣніи.

— Хорошъ гонщикъ! нечего сказать...—проворчалъ Гусиное-Горло: — пришелъ на рудникъ работать, а не знаетъ, какой разрѣзъ... Да вонъ разрѣзъ: откуда руду будешь возить.

Гриша посмотрѣлъ по направленію указывавшей руки.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него находился широкій и глубокій ровъ, бока и дно котораго спускались внизъ правильными уступами, напоминавшими ступени лѣстницы.

На днѣ его уже кипѣла работа, точно въ муравейникѣ.

Забойщики долбили кайлами твердую, какъ камень,

землю, откалывая вмѣстѣ съ нею куски руды; говщики наполняли этой землей свои таратайки и увозили ее для промывки.

Забойщикъ съ молотомъ.

Такъ это и есть разрѣзъ! удивился Гриша. А ты какой думалъ?.. Ну, пошевеливайся!

Гришѣ дали лошадь, запряженную въ двухколесную телѣжку-тараталку, и велѣли приниматься за работу.

Почти всѣ гонщики были такіе же подростки, какъ и Гриша. Большинство ихъ успѣли уже освоиться со своей работой и исполняли ее проворно и ловко.

Молодыя дѣвушки и женщины, также служившія въ гонщикахъ, не уступали парнямъ въ ловкости и проворствѣ: такъ же твердо и прямо держались на ногахъ, стоя въ тараталкахъ, такъ же бойко опрокидывали ихъ и легко мчались обратно.

Гриша не сразу освоился со всѣми пріемами своей новой обязанности и на первыхъ порахъ дѣлалъ промахъ за промахомъ: то зацѣпитъ колесомъ за что-нибудь и опрокинетъ возъ по дорогѣ, то суется не въ очередь сваливать руду, то свалитъ ее мимо, то самъ выпадетъ изъ тараталки. За всѣ эти оплошности ему, разумѣется, доставалось и отъ штейгера, и отъ Гуснаго-Горна.

Но время и стараніе помогли мальчику мало-помалу пріобрѣсти тотъ навыкъ, безъ котораго ему нельзя было бы удержать за собой работу. Недѣли черезъ двѣ онъ уже наполнялъ свою тараталку не тише другихъ; не задѣвая ничьихъ колесъ, поднимался съ нею по взвозу и ловко заставлялъ ее опрокидываться вверхъ дномъ надъ люкомъ, продѣланнымъ въ стѣнѣ, откуда руда сама уже катилась куда-то внизъ.

Вначалѣ Гриша никакъ не могъ понять, что происходитъ внутри корпуса: какъ это дѣлается, что грязная руда, всыпанная въ верхній люкъ, изъ нижняго, наружнаго люка возвращается чистенькой, промытой,

отдѣленной, кромѣ того, отъ мелкой руды, которая высыпается особо, изъ другого люка? Какимъ образомъ освобождается она отъ глины и песку, толстой корой облѣпляющихъ ее, да еще сортируется при этомъ?

Засыпка руды въ верхній люкъ.

Будучи любознательнымъ отъ природы, онъ постарался найти отвѣтъ на всѣ эти вопросы. Частью самъ наблюдалъ, частью ему разъяснили другіе, такъ что, въ концѣ концовъ, ему сталъ понятенъ весь путь, проходимый рудой, отъ начала до конца.

Впрочемъ, и путь-то этотъ не особенно длиненъ и довольно простъ.

Всыпанная въ люкъ руда прежде всего проваливается въ „чашу", сдѣланную изъ толстаго и прочнаго желѣза, съ отверстіемъ на днѣ. Посреди этого послѣдняго стоймя укрѣпленъ желѣзный стержень, около котораго, какъ колесо около оси, вращается „крестовина" съ „пестами".

Это не что иное, какъ двѣ одинаковыхъ деревянныхъ крестовины, держащихся одна надъ другой при помощи желѣзныхъ прутьевъ, вертикально вставленныхъ между концами той и другой.

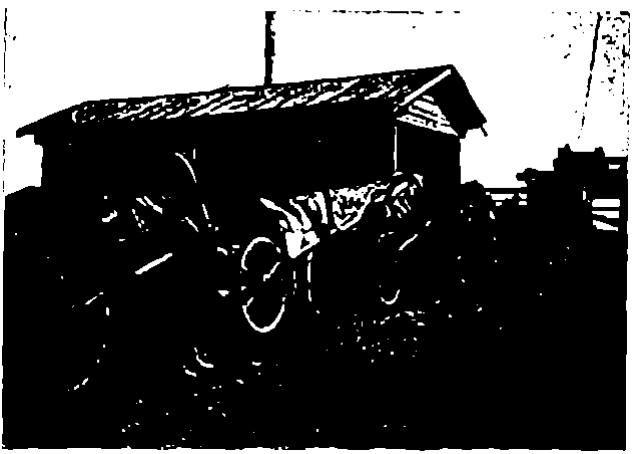
При вращеніи крестовинъ около стержня приходятъ въ круговращательное движеніе и увлекаемые ими песты.

Встрѣчая на своемъ пути руду, они, врѣзываясь въ ея массу, размѣшиваютъ ее и помогаютъ льющейся въ чашу водѣ отдѣлять отъ руды приставшія частицы. Грязная вода, получающаяся отъ этой промывки, уходитъ изъ чаши сквозь отверстія на днѣ и уноситъ съ собой мелкіе кусочки руды, которые поступаютъ затѣмъ для окончательной промывки въ длинный, наклонно лежащій мѣдный цилиндръ, также вращающійся. Бока его снабжены небольшими отверстіями, черезъ которыя уходитъ только вода, но не могутъ уйти частицы руды, трущіеся другъ о друга очищающіяся отъ грязи. Будучи промытой, такая руда по виду чрезвычайно походитъ на кедровые орѣхи, почему ее и называютъ „орѣшникъ".

Что же касается крупной руды, остающейся въ чашѣ, то ее послѣ промывки удаляютъ черезъ особое отверстіе на днѣ чаши, открывающееся по желанію въ

нижній люкъ, который отверстіемъ своимъ выходитъ наружу.

Гопщики подъѣзжаютъ подъ него со своими тара-



Гопщики, оканчивающіе очередь спаливать руду.

тайками, открываютъ дверцу, и руда изъ люка валится къ нимъ въ таратайку.

Просушенную руду обжигаютъ и затѣмъ уже сдаютъ на чугуноплавильный заводъ.

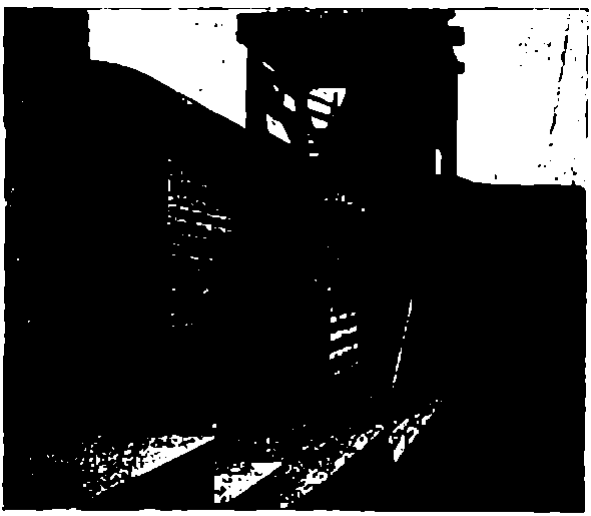
Обжигаютъ ее очень просто, на открытомъ воздухѣ. Складываются длинныя и широкія полѣницы аршина въ два вышиной, и руда наваливается на нихъ толстымъ слоемъ. Затѣмъ эти полѣницы поджигаются и

медленно сгораютъ подъ рудой, а она становится чище и мягче, и легче поддается потомъ плавленію, потому что освобождается отъ нѣкоторыхъ примѣсей, какъ, напримѣръ, отъ сѣры. Вотъ и все, что продѣлывается съ рудой на рудникѣ.

Узналъ Гриша, что такое и архимедовъ винтъ. Это длинная и довольно широкая деревянная труба съ желѣзными обручами, поставленная наклонно въ то мѣсто, куда стекаетъ вода отъ промывки. Черезъ центръ этой трубы во всю ея длину проходитъ стержень, а вокругъ него, въ видѣ спирали, располагаются такъ называемыя „перья". Это не что иное, какъ рядъ прибитыхъ одна къ другой дощечекъ, винтообразно огибающихъ стержень и вдѣланныхъ однимъ концомъ въ него, другимъ въ стѣнки трубы. Плотно прилегая одна къ другой, онѣ образуютъ внутри трубы спиральное отверстіе, въ которомъ вода какъ бы завинчивается. Захваченная нижними спиралями, она, благодаря быстрому вращенію трубы около своей оси, перекатывается въ слѣдующія спирали—все выше и выше, пока наконецъ не поднимается доверху и не выльется въ жолобъ. И винтъ, и крестовина съ пестами, и насосы, накачивавшіе воду,—все это, при помощи колесъ съ передаточными ремнями, приводилось въ движеніе паровой машиной—локомобилемъ.

Если бы Гришу спросили теперь, хочетъ ли онъ бросить работу и вернуться домой, онъ безъ малѣйшаго колебанія сказалъ бы: „нѣтъ". Сказалъ бы это не потому, что работа казалась ему легкой, а потому, что втянулся въ нее, привыкъ исполнять ее въ обществѣ

сверстниковъ-товарищей, среди которыхъ у него завелись пріятели. Пріятно было помѣряться съ ними умѣньемъ справляться съ работой, подчасъ и посопер-



Архимедовъ винтъ.

ничать съ ними въ ловкости. А главное, пріятно было получать заработокъ, заслуженный собственнымъ трудомъ. Какъ весело было по субботамъ получать недѣльную плату за всѣ трудовые шесть дней! Три рубля за недѣлю—это казалось Гришѣ большимъ заработкомъ. Съ какимъ радостнымъ чувствомъ оставлялъ онъ

тогда грязную и тѣсную казарму, гдѣ онъ спалъ въ обществѣ другихъ гонщиковъ, и мчался домой.

Идти приходилось тѣмъ же лѣсомъ, которымъ пришелъ онъ на рудникъ съ дядей Герасимомъ. Но какая разница между тогдашнимъ и теперешнимъ настроеніемъ! Тогда и въ розовомъ блескѣ утренней зари лѣсъ казался печальнымъ и унылымъ, а теперь и во мглѣ надвигавшихся сумерекъ онъ былъ свѣтлымъ и радостнымъ.

Правда, немного жутко идти одному по глухой, сумрачной тропинкѣ, среди таинственнаго шопота и шороха вѣтвей, но зато эта глухая тропинка ведетъ къ дому, къ родному селу!..

Какъ рада бывала вся семья, когда „большакъ“ ея и „кормилецъ“ приходилъ на побывку!

Братишки и сестренки встрѣчали его еще на улицѣ. Еще издали завидѣвъ Гришу, они неслись къ нему со всѣхъ ногъ, наперерывъ спрашивали, какіе гостинцы онъ имъ купилъ.

Мать выходила за ворота и ласковымъ словомъ встрѣчала своего Гришеньку. Прежде онъ бывалъ и Гришуткой, и Гришкой, и его посылали то за водой, то за дровами, то велѣли ему загнать овецъ, то напоить коровъ; теперь же Гришенька былъ дорогимъ гостемъ, избавленнымъ отъ всѣхъ непріятныхъ работъ, и для него приберегался лакомый кусочекъ.

Гриша не могъ не чувствовать этой перемѣны въ отношеніи къ нему всей семьи и самъ привыкъ смотрѣть на себя иначе. Онъ точно выросъ въ собственныхъ глазахъ.

Стоило ли ему теперь обращать вниманіе, если къ вечеру болѣли руки, ломило спину и плечи?

Нѣтъ, теперь онъ не отказался бы отъ работы...

И, тѣмъ не менѣе, ему пришлось покинуть рудникъ.

Типы служащихъ: смотритель, штейгеръ и забойщикъ. На заднемъ планѣ потѣнницы съ наваленной на нихъ рудой для обжиганія.

Однажды, какъ снѣгъ на голову, свалилось неожиданное извѣстіе.

Рабочимъ объявили, что отъ владѣльцевъ рудника получено распоряженіе остановить работы до весны, такъ какъ выработаннаго количества руды, по ихъ разсчету, должно хватить до этого времени.

Черезъ нѣсколько дней послѣ объявленія роковой новости рудникъ замолкъ и опустѣлъ. Не слышно было ни свистковъ, созывавшихъ на работу, ни грохота опорожненныхъ тарантасокъ, скачущихъ обратно по досчатому взвозу, не видно было обычнаго движенія и суетни. Затихъ паровикъ, приводившій въ движеніе всю сложную систему колесъ съ ихъ передаточными ремнями,—и все стало.

Такъ съ прекращеніемъ дѣятельности сердца перестаютъ дѣйствовать всѣ остальные члены организма...

— Эхъ, кабы на другой рудникъ попасть, либо на золотые пріиски!

Эта мечта волновала всѣхъ, не исключая и Гриши.

Нерадостно было у него на душѣ, когда онъ шелъ домой.

Мать сразу, по выраженію его лица, догадалась, что случилось что-то недоброе. Да и пришелъ-то онъ не въ урочную пору—средя недѣли...

II.

У Силыча.

Опять раннее утро. Опять просыпающійся лѣсъ полонъ тишиной и прохладой.

Гриша, хмурый и насмурный, опять идетъ съ котомкой за плечами. Недостаетъ только дяди Герасима.

Ему посчастливилось получить мѣсто сторожа на рудникѣ, и онъ остался тамъ со своей семьей. Онъ чуть не съ дѣтства работалъ на этомъ рудникѣ и радъ

былъ, что въ такое трудное время ему удалось удержаться на насиженномъ мѣстѣ.

Немалыхъ хлопотъ стоило ему пристроить туда племянника. Только не долго поработалъ онъ тамъ!

Болѣе дядя Герасимъ ничего не могъ для него сдѣлать.

Теперь Гриша, по совѣту матери, шелъ къ ея отцу, также служившему сторожемъ на пріискѣ.

Пріискъ этотъ былъ старый, заброшенный. Всякія работы на немъ были давнымъ-давно прекращены. Оставалось только зданіе, гдѣ происходила промывка золота, со всѣми сохранившимися въ цѣлости приспособленіями и машинами, исключая паровой (эта послѣдняя была перевезена на другой пріискъ). Ихъ-то и караулилъ Силычъ.

Впрочемъ, неподалеку отъ этого зданія сохранились обветшалые домики и землянки для пріисковыхъ служащихъ и рабочихъ. Теперь тамъ жили служащіе и рабочіе съ другого пріиска, возникшаго невдалекѣ отъ стараго, гдѣ не было еще выстроено жилыхъ помѣщеній.

Если бы не это сосѣдство да не старатели, по лѣтамъ ковырявшіеся около стараго пріиска, Силычъ совсѣмъ не видалъ бы людей въ своемъ глухомъ уединеніи. Машинный корпусъ, уголъ котораго онъ занималъ, былъ построенъ въ ямѣ: подъ крутымъ обрывомъ съ одной стороны, у глубокаго разрѣза, превратившагося въ озерко, съ другой. Кромѣ высокихъ береговъ озерка, заслонявшихъ горизонтъ, Силычъ ничего не могъ видѣть изъ окна своей сторожки.

Хотя Гриша до этого времени ни разу не бывалъ

у дѣдушки, но безъ труда отыскалъ заброшенный пріискъ. Послѣдній находился недалеко отъ дороги.

Сосновый лѣсъ темнозеленой каймой съ трехъ сторонъ обрамлялъ довольно обширную равнину, четвертая сторона которой незамѣтнымъ уклономъ спускалась къ западу, къ обширному болоту, раскинувшемуся у подножья синѣвшей на горизонтѣ горной цѣпи.

Когда-то густой лѣсъ покрывалъ все это пространство. Но онъ мѣшалъ искать въ землѣ золото, и его срубили на протяженіи всей площади, занятой золотоноснымъ пластомъ. А площадь эту всю ископали, изрыли, до неузнаваемости обезобразили ямами, рвами, кучами глины, щебня и песку.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ хозяйничали тутъ люди, доставая изъ земли то, что имъ хотѣлось взять у нея, и удалялись, когда имъ показалось, что они взяли все. Менѣе всего думали они о томъ, чтобы скрасить хоть немного обезображенную мѣстность, уничтожить слѣды своей разрушительной работы. Объ этомъ позаботилась уже сама природа, то созидающая, то разрушающая, но вѣчно творящая что-нибудь новое и никогда не повторяющая одного и того же по нѣсколько разъ.

Она взяла подъ свое покровительство ограбленную человѣкомъ мѣстность и медленно, изъ года въ годъ, стала стирать съ нея слѣды нанесеннаго имъ опустошенія. Ямы позаровнялись, позаросли травой и кустами, безобразныя кучи одѣлись яркозеленой сосновой порослью, превратились въ живописные холмы. Широкій и глубокій разрѣзъ, гдѣ когда-то кипѣла работа, пре-

вратился въ тихое, спокойное озерко, съ крутыми высокими берегами, поросшими можжовельникомъ и малиной.

Если бы не типичное зданіе со взвозомъ и дугообразно согнутой желѣзной трубой, стоявшее у самой воды, ничто не говорило бы объ искусственномъ возникновеніи озерка и его крутыхъ береговъ.

Съ дороги была видна только верхняя часть трубы. Она-то и привела Гришу къ цѣли.

Ему пришлось спуститься къ озерку по крутой неудобной тропинкѣ. Гриша чуть не кубаремъ скатился по ней.

Его появленіе спугнуло кошачье семейство, грѣвшееся на солнцѣ. Всѣ четыре котенка съ трусливостью дикихъ звѣрьковъ прыснули въ разныя стороны и одинъ за другимъ исчезли въ деревянной трубѣ, лежавшей подъ взвозомъ.

Гриша поймалъ было одного изъ нихъ, думая, что это обыкновенные, домашніе котята; но ему тотчасъ же пришлось выпустить его. Кошка бросилась на него съ такой яростью и такъ больно укусила ему руку, что пальцы разжались сами собой.

Несмотря на свою геройскую храбрость, кошка имѣла смѣшной и жалкій видъ: у нея не было ни ушей, ни хвоста.

— Что, братъ, здорово влетѣло?—засмѣялся Силычъ, видѣвшій неудачную попытку Гриши.

Стоя на маленькомъ плотикѣ, сколоченномъ изъ толстыхъ бревенъ, онъ медленно подплывалъ къ берегу, упираясь длиннымъ шестомъ въ дно озерка.

Высокій и прямой, съ бѣлой, какъ лунь, бородой,

съ развѣвающимися по вѣтру, ничѣмъ не покрытыми сѣдыми волосами, онъ походилъ на библейскаго патріарха.

Возлѣ него была удочка и ведерко съ водой, гдѣ плавало нѣсколько серебристыхъ рыбокъ—весь его скудный уловъ, жалкая награда за продолжительное стояніе на плоту подъ жаркими лучами солнца.

— Ты думалъ, такъ она и дастъ тебѣ поймать котенка? Какъ же!.. Она вѣдь дикая,—все равно, что лѣсная... Въ лѣсу и питается. Я не кормлю.

— Я думалъ, твоя,—возразилъ Гриша.

— Моя была, да я прогналъ ее.

— Что такъ?

— Голубя съѣла у меня. Ну, я и осерчалъ... Зачѣмъ ѣла? Онъ въ ротъ ей не лѣзъ. А я досыта ее кормилъ,—незачѣмъ было разбойничать. За то и прогналъ... Еще зимой... Видѣлъ, уши-то у ней обгрызены? Да и хвостъ тоже... Морозъ объѣлъ... Молчать, Малко! цыцъ!—прикрикнулъ Силычъ на косматую рыжую собаку, съ бѣшенымъ лаемъ рвавшуюся на цѣпи.

Собака поджала хвостъ и залѣзла въ конуру, глухо ворча.

Силычъ причаливъ плотъ, притянулъ его шестомъ, пропустивъ послѣдній сквозь отверстіе, нарочно для этой цѣли сдѣланное посреди плота, и вышелъ на берегъ.

— Теперь поздороваемся, внучекъ. Откуда это Богъ тебя принесъ?

Гриша объяснилъ, что произошло на рудникѣ, и отъ имени матери просилъ дѣдушку сходить съ нимъ на сосѣдніе пріиски попытать счастья—не найдется ли

гдѣ работа. Не забылъ онъ передать и гостинцы, которые мать посылала Силычу: пару кумачевыхъ рубашекъ и новенькій гарусный поясъ, оставшійся послѣ Даниды.

Бѣдная женщина разсчитывала, что эти подарки, если и не помогутъ ея просьбѣ, то, во всякомъ случаѣ, и не повредятъ ей. Можетъ ли быть, чтобы старикъ, принявъ ихъ, отказался похлопотать за внука? Дядя Герасимъ за шапку и опояску хлопоталъ же на рудникѣ. Вѣрно, и Силычъ не откажется похлопотать.

Разсчетъ ея оказался вѣрнымъ: Силычъ милостиво принялъ подарки и, видимо, готовъ былъ оказать свое содѣйствіе.

— Ладно, — сказалъ онъ: — схожу съ тобой, коли такъ. Только поѣдимъ сначала. У меня сегодня еще маковой росинки во рту не было; да и ты, чай, съ дороги-то проголодался: небось, въ охотку уху моей похлебаешь,—нужды нѣтъ, что не жирная... Давай, чисти рыбу, а я огонь стану разводить да воду кипятить. Глядишь, дѣло-то и скорѣй пойдетъ на ладъ.

Уха дѣйствительно была не жирна, но проголодавшемуся Гришѣ она показалась чрезвычайно вкусной. Вкуснымъ показался и чай, вскипяченный въ заржавѣвшемъ жестяномъ чайникѣ. Самовара у Силыча не было.

И утварь, и обстановка его, и самая каморка, гдѣ онъ жилъ,—все это было чрезвычайно убогое.

Вся-то каморка его была не больше квадратной сажени и освѣщалась только крошечнымъ оконцемъ въ одно стекло. Большую часть ея занимала широкая, грубо сколоченная скамья, служившая Силычу кроватью. Подушку замѣнялъ свернутый вверхъ овчиной

тулупъ, а матрацемъ служила зелень полыни, толстымъ слоемъ положенная на доски. Она же служила и простыней. Запахомъ ея былъ пропитанъ весь воздухъ каморки, и нельзя сказать, чтобы запахъ этотъ былъ непріятенъ. Вмѣсто стола стоялъ опрокинутый вверхъ дномъ деревянный ящикъ, вмѣсто стула — древесный обрубокъ.

Словомъ, ни кровати, ни стола, ни стула у Силыча не было; все это замѣнялось чѣмъ-нибудь. Даже печки настоящей не было у него: была только желѣзная, на какихъ-то курьихъ ножкахъ. Она походила на странную птицу, которая, загнувъ назадъ свою длинную шею, уткнула ее въ стѣну и, повидимому, просунула туда голову.

Одни только стѣнные часы были настоящіе, потому, вѣроятно, что ихъ уже ничѣмъ нельзя было замѣнить. Эти часы были единственною роскошью каморки, и даже какъ-то странно было видѣть ихъ въ ней. Впрочемъ, они и не принадлежали Силычу: это была хозяйская собственность.

Сторожка помѣщалась въ самомъ машинномъ корпусѣ и составляла крошечную частицу его, отдѣленную отъ остальнаго помѣщенія только дощатыми стѣнами. Стѣны эти, ординарный потолокъ и полъ заставляли сомнѣваться въ ихъ способности удерживать зимой тепло, которое могла дать печка на курьихъ ножкахъ. Зато они не мѣшали Силычу слушать, какъ вѣтеръ гудитъ въ машинахъ, какъ воркуютъ гнѣздящіеся подъ ними голуби.

Посѣдинахъ было такое множество, что врядъ ли

Силычъ зналъ сколько ихъ именно гнѣздится около него. Злополучная кошка, такъ дорого расплатившаяся за убійство одного изъ нихъ, вѣроятно, потому и понесла наказаніе, что совершила свое преступленіе на глазахъ у Силыча...

— Небось, тоскливо тебѣ здѣсь зимой?—замѣтилъ Гриша, оглядывая убогое жилище дѣда и содрогаясь при одной мысли, что онъ живетъ тутъ уже нѣсколько лѣтъ. Силычъ засмѣялся.

— Чего мнѣ скучать? Слава Богу, сытъ, одѣтъ... Десять рублей на улицѣ не найдешь.

— Поди, страшно одному въ темныя ночи?

— Что за страхъ! Ружье-то на что? Подойди-ка злодѣй какой, славно угощу! По тѣ годы ко мнѣ бродяги похаживали, а теперь нѣтъ,—отучились... Малко у меня славный сторожъ: чуть кто подойдетъ, сейчасъ же дастъ знать. Брось ему чужой человѣкъ хлѣба, онъ не возьметъ. Добрая собака!.. Чуть залаетъ, сейчасъ и выходишь, посмотришь, кто тамъ такой. Другой разъ и выпалишь для острастки, ежели не откликается... Давай, проснись замѣсто меня въ сторожа, карауль станешь,— пошутилъ Силычъ, смѣясь.

— Сохрани, Господи! Вотъ осенью ночи такія длинныя да темныя,—я бы тутъ со страху умеръ.

— Не умеръ бы, привыкъ бы... Это спервоначала такъ страшно кажется, а поглядишь, такъ и ничего,— ни страху, ни скуки не знаешь... Затопишь это печку и лежишь. Славно такъ, тепло! Дрова потрескиваютъ, и морозъ за окномъ потрескиваетъ. Вѣтеръ гудитъ, а ты лежишь себѣ, трубочку покуриваешь, старину вспо-

минаешь, а то просто умомъ раскидываешь, какъ завтра день коротать, работишку какую ни на есть себѣ придумываешь. Смотришь,—одинъ глазъ закрывается, другой закрывается. Погасишь огонь, укроешься потеплѣе тулупомъ и спишь себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. День да ночь—сутки прочь, такъ и живу помаленьку. А тамъ, глядишь, и зима прошла, весна красная подходитъ, лѣто Христово... А лѣтомъ у меня здѣсь рай, умирать не надо. Грибы, ягоды... пташки всякія поютъ... рыбу это удишь... Хорошо!..

— А давно тутъ живешь?

— Годовъ восемь какъ въ сторожахъ состою. А допрежъ того работникомъ здѣсь жилъ, годовъ съ двадцать, когда еще пріискъ былъ въ дѣйствіи. Богатѣйшій былъ пріискъ! Золото во какое крупное попадалось—какъ ягода. По пуду въ день намывали.

— А зачѣмъ прикончили работы? Все, значитъ, выробили?

— Гдѣ все!.. Много еще золота осталось. Недаромъ старатели кругомъ роются, ровно кроты какіе... Пакостникъ народъ. Вездѣ ямъ понарыли; скоро ступить некуда будетъ. Тамъ вонъ у самой дороги шурфъ выкопали, того и гляди, впотьмахъ кто-нибудь колесомъ заѣдетъ.

— Это старатели тамъ?—спросилъ Гриша, указывая на двухъ человѣкъ, копавшихся на другомъ берегу озерка.

— Старатели! Вишь, одинъ въ ковшѣ промываетъ.

— И помногу намываютъ!

— Какое помногу? Гдѣ имъ, дуракамъ, намыть! Поковыряются, потѣшатъ себя, ямъ понадѣлаютъ да ни

съ тѣмъ и уйдутъ. Нешто золото этакъ ищутъ? Голыми руками, что ли, гребутъ? Чай, тутъ машины разныя нужны. Видалъ когда, какъ золото по-настоящему промываютъ? Не видалъ? То-то вотъ и есть... У насъ, братъ, всякія машины поставлены, всякое золото на нихъ промывали.

Нужно замѣтить, что Силычъ такъ сжился съ машинами, съ которыми имѣлъ дѣло столько лѣтъ, что для него онѣ были чуть не живыми существами. Онъ чувствовалъ къ нимъ какую-то почтительную нѣжность, гордился ими, считалъ себя какъ бы частью ихъ, какъ рабски преданный слуга считаетъ себя тѣнью своего господина. Восхвалая господина, такой слуга какъ бы восхвалялъ въ то же время и себя.

— Мы и розсыпи мыли, и коренную породу, — продолжалъ Силычъ: — ты, поди, и понять-то этого не можешь? Поди, и не слыхалъ никогда?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— А не слыхалъ, такъ послушай. Я хоть самъ и неграмотный, а все же на своемъ вѣку отъ умныхъ людей кое-чего понаслушался, а кое-чего и самъ понасмотрѣлся. Ну, такъ вотъ: коренная порода — это что въ кварцѣ попадается. Кварцъ—это, чай, знаешь? Камень такой бѣлый, какъ снѣгъ, и твердый-претвердый, насилу его расколотишь.

— Знаю. Мы съ ребятами какъ-то стекло имъ рѣзали: здорово чертитъ.

— Онъ самый, значитъ, и есть... Такъ въ этомъ кварцѣ иной разъ попадается золото: либо жилками въ трещинахъ проходитъ, либо крапинками въ немъ он-

дить, вродѣ какъ бисеръ. Только вотъ добывать его оттуда мудрено, невпримѣръ труднѣй и дороже, чѣмъ изъ золотоноснаго песку. Потому на кварцевое золото и мало охотниковъ. Пока всѣ за розсыпи хватаются. Ихъ и найти легче, и добыть дешевле, потому какъ онѣ не такъ глубоко спрятаны въ землѣ. Разумѣется, когда розсыпи всѣ повыкопаютъ, тогда и за коренную породу примутся. Не пропадать же ей зря.

— А я вѣдь не знаю, что это за розсыпи; ты вѣдь не сказалъ,—замѣтилъ Гриша.

— И розсыпей не знаешь? Эхъ, ты! Живешь около золота, можетъ по золоту и ходишь, а ничего не знаешь. Розсыпи—это мелкое золото, что въ пескѣ да въ глинѣ попадается.

— Ну, такъ знаю!

— Коренную породу въ горахъ находятъ, а розсыпи въ низкихъ мѣстахъ: въ рѣкахъ, въ озерахъ, въ болотахъ, а то въ оврагахъ, либо въ логовинахъ.

— Откуда же оно взялось тамъ?

— Изъ той же коренной породы. Слыхалъ, поди, что капля по каплѣ камень долбитъ? Точитъ она его, точитъ, солнце, морозъ да вѣтеръ помогаютъ ей,—камень и начнетъ разсыпаться въ песокъ. Дождями да ручьями смоетъ его съ высокихъ мѣстъ, унесетъ куда-нибудь въ низину—можетъ, на дно рѣки; и будетъ оно лежать тамъ, пока не занесетъ его иломъ, не занесетъ пескомъ да землей. А потомъ, можетъ статься, и рѣка-то высохнетъ либо въ сторону отойдетъ, и зарастетъ наше золото лѣсомъ. Вотъ тебѣ и розсыпи,—догадайся, гдѣ онѣ спрятаны!

— А какъ же узнаютъ, гдѣ искать ихъ?

— По примѣтамъ. Ежели, скажемъ къ примѣру, въ рѣчникѣ (это красный песокъ такой есть), такъ ежели въ немъ окажутся бѣлыя ганьки и шлихъ (это магнитный желѣзнякъ, мелкій-размелкій—ровно мышьи волоски), тогда, значитъ, въ рѣчникѣ есть и золото, потому какъ они всѣ вмѣстѣ попадаются. Кто знаетъ, какъ золото искать, тотъ уже не ошибется, разнюхаетъ, гдѣ оно схоронилось.

— Да вѣдь подъ землей-то его и не видно!

— А развѣдки-то на что? Небось, и подъ землю заглянутъ. Понадѣлаютъ окошечекъ и все разглядятъ, что имъ надо. А чего глазомъ не достанутъ, то умомъ досчитаютъ. Шурфъ пробьютъ,—вотъ тебѣ и окошечко; достанутъ изъ него песку, промоютъ въ желѣзномъ тазу и смотрятъ, есть ли золото? Ежели есть, и порядочно его, стоитъ изъ-за чего хлопотать, тогда другой, третій пробиваютъ во всѣ стороны отъ перваго, пока не попадетъ пустая порода. Пробиваютъ не зря, а по порядку, какъ клѣтки на шашечной доскѣ. Когда во всѣ стороны дойдутъ до пустой породы, и золото уже ни въ которую сторону не будетъ больше попадаться, тогда и видно будетъ, велико ли мѣсто, на которомъ лежитъ подъ землей золотоносный пластъ. А расшуфровка покажетъ, какая толщина у этого пласта и много ли земли лежитъ поверхъ него. Ежели немного, тогда, значитъ, можно снять ее и вскрыть весь золотоносный пластъ, чтобы разработать его. Это, значитъ, придется дѣлать разрѣзъ. А ежели золото глубоко въ землѣ и земли поверхъ него много, а золотоносный пластъ не очень

великъ, тогда разрѣзомъ работать невыгодно: дорого будетъ стоить землю снимать, издержки не оправдаются. Тогда выгодней работать шахтами. Углубишься, значитъ, въ одномъ мѣстѣ до золотоноснаго пласта, да тамъ подъ землей весь его и выроешь. А сверху земля такъ и останется нетронутой... Все это надо заранѣе высчитать, а потомъ уже за дѣло приниматься. Для этого сначала развѣдки и дѣлаютъ. Всѣ шурфы, какіе пробьютъ, обозначаютъ на бумагѣ, кружками ихъ нарисуютъ. Въ которыхъ окажется золото, тѣ желтой краской закрасятъ, а ежели руда—тѣ опять черной закрашиваютъ. А пустые шурфы, гдѣ ни золота, ни руды нѣтъ, тѣ и на бумагѣ оставляютъ пустыми; чтобы знать, что въ этихъ мѣстахъ уже не нужно вскрывать землю или пробивать шахты. Посмотрятъ на такую бумажку—и сразу видятъ, много ли золота или руды съ этого мѣста добудутъ, и дорого ли будутъ стоить работы... До всего, братъ, люди доходятъ. Золото отъ насъ подъ землей опряталось, въ камень залѣзло, а мы и оттуда его достанемъ. У насъ, когда мы кварцевое золото промывали, такая мелочь другой разъ попадалась, что и глазомъ не разглядишь—одна пыль. А мы и ее доставали. Сукна для нея постилали на шлюзѣ, чтобы она на нихъ садилась, мѣдные листы, намазанные ртутью... На всякія, братъ, штуки пускались.

Силычъ вздохнулъ, вспомнивъ, что всѣ эти „штуки", въ концѣ концовъ, не привели ни къ чему, и добычу кварцеваго золота пришлось оставить.

— Да!—проговорилъ онъ, какъ бы про себя:—напрасно мы съ этимъ кварцемъ связались! Сердце болитъ,

какъ поглядишь на машины! Стоятъ онѣ, сердечныя, ровно пригорюнялись, ровно плачутъ, что безъ дѣла свой вѣкъ доживаютъ. Еще годковъ десятокъ постоятъ и, пожалуй, вовсе никуда не будутъ годны.

— А можно ихъ поглядѣть?—спросилъ Гриша.

— Поглядѣть? Отчего нельзя? Можно. Сходи, погляди, да только скорѣе. Намъ съ тобой поторапливаться надо. Идти, такъ идти.

— Я живо.

Гриша бѣгомъ поднялся по шаткой, скрипучей лѣстницѣ и, пока Силычъ прибиралъ посуду, успѣлъ обѣжать весь корпусъ.

Первое, что ему бросилось въ глаза, что онъ сразу узналъ—это чаша, точно такая же, какъ и на рудникѣ, только вмѣсто крестовины съ пестами въ ней находились два массивныхъ деревянныхъ колеса, окованныхъ толстыми обручами.

Гриша сразу догадался, для чего они: вѣроятно, размалывать кварцъ.

Догадка его оправдалась.

— Это „бѣгуны", а то „катуны", всяко ихъ называютъ,—пояснилъ ему потомъ Силычъ, когда Гриша спросилъ его объ этихъ колесахъ:—ходятъ они по чашѣ и размельчаютъ камень, а онъ въ песокъ разсыпается и вмѣстѣ съ водой и золотомъ уходитъ изъ чаши и катится по шлюзу. А на шлюзѣ рѣшетки деревянныя либо желѣзныя положены, чтобы золото задерживать. Оно тяжелѣй песку и глины, потому около рѣшетки и осѣдаетъ; а грязь отъ него водой черезъ рѣшетку проноситъ, потому какъ она легче золота и напоромъ

воды со можетъ черезъ рѣшетку перекинуть. Скажемъ, бываетъ и легкое золото,—чешуйками такими мелконькими,—и вода можетъ его унести; случается, что оно вмѣстѣ съ мутью попадаетъ въ архимедовъ винтъ. Тогда оттуда ему ужъ некуда дѣваться, все тамъ и останется. Осенью, когда прикончатъ работы, а то и въ серединѣ лѣта, винтъ этотъ сжигаютъ. Распилятъ его на нѣсколько частей, обложатъ смольемъ либо дровами и сожгутъ. Золото изъ него все въ золѣ и останется. Придется только промыть его изъ золы. Другой разъ его въ винтѣ по фунту и по два скапливается. Стало быть, есть разсчетъ винтъ изъ-за него сожечь. Да онъ долго-то и не можетъ работать,—все равно портится и надо новымъ его замѣнять. Разъ или два за лѣто его все ужъ мѣняютъ... Ну, куда же мы съ тобой пойдемъ? Развѣ сперва на Шигирскій пріискъ сходить?

— Это что на озерѣ?

— Онъ самый. Вотъ ужъ тамъ шахты незачѣмъ копать; даже и разрѣза нѣтъ: золото прямо подъ ногами,—гребя, знай, да промывай.

— Какъ такъ?

— А такъ. На днѣ у озера золотой песокъ оказался. Ну, значитъ, и запрудили одну половину озера, а изъ другой половины спустили воду въ рѣку, да и давай мыть золото. Когда все промоютъ, изъ другой половины спустятъ воду въ эту и начнутъ промывать въ той.

— Какъ же узнали, что въ озерѣ золото есть?

— Гдѣ-нибудь у берега размыло его водой, ну, и увидали. Немудреная штука увидать его, когда оно

само въ глаза бросается... Ну, Малко, оставайся у меня карауллить,—обратился Силычъ къ собакѣ, запирая на ключъ двери своей каморки:—смотри, хорошенько у меня карауль! а то я, смотри!..

Малко лизнулъ хозяйскую руку и жалобно завизжалъ, помахивая хвостомъ и заглядывая въ глаза Силычу, какъ бы прося:

„Возьми и меня съ собой! Мнѣ такъ надоѣло сидѣть на цѣпи! Съ какимъ бы удовольствіемъ я послѣдовалъ за тобой, пробѣжался бы по лѣсу, гдѣ такъ весело разрывать мышиныя и кротовыя норки, гоняться за бойкимъ, увертливымъ зайцемъ!"

Но Силычъ не внялъ этой нѣмой просьбѣ и отправился съ Гришей одинъ. Малко посмотрѣлъ имъ вслѣдъ, взвизгнулъ разъ-другой и, понуривъ голову, покорно залѣзъ въ свою конуру.

— Эхъ, ненастье хочетъ быть,—замѣтилъ Силычъ, указывая вдаль:—вишь, горы опять задымились; это ужъ завсегда къ дождю.

Гриша посмотрѣлъ на горы и невольно залюбовался. Вершины ихъ были закутаны сѣрыми облаками, похожими на дымъ. Облака двигались и ползли по горамъ, но не покидали ихъ, точно были прикованы къ нимъ какой-то невѣдомой силой.

Засмотрѣвшись, Гриша чуть не оступился въ оврагъ, на днѣ котораго виднѣлось что-то вродѣ большого колодца съ громаднымъ колесомъ, придѣланнымъ къ валу. Валъ этотъ держался уже только однимъ концомъ и слишкомъ явно выражалъ свое намѣреніе свалиться окончательно.

— Что это за колодецъ?—спросилъ Гриша.

— Шахта была... Руду доставали. У насъ не только золото, и руды было довольно. Бурый желѣзнякъ добывали, такой же, что у васъ на рудникѣ. Только у насъ глубже онъ въ землѣ лежалъ и толще—саженъ въ двадцать толщиной былъ рудяной пластъ; и жильный, а не гнѣздовый, какъ у васъ. У васъ выкопаютъ гнѣздо—и опять пустая порода, ищи опять другого гнѣзда. А у насъ сплошь все была руда. Отъ этой шахты и до той,—вонъ тамъ у лѣса, гдѣ столбъ стоитъ,—такъ до самаго того мѣста ходъ былъ подъ землей. И сейчасъ онъ есть, да ужъ, чай, осыпался.

Гриша зналъ шахты только по разсказамъ. Въ его воображеніи онѣ представлялись чѣмъ-то безконечно ужаснымъ, чуть не могилой, гдѣ заживо хоронятся люди; и въ то же время онъ всегда желалъ хоть разъ заглянуть въ одну изъ нихъ.

Теперь какъ-разъ представлялся случай къ этому.

— Дѣдушка, я пойду, погляжу, что за шахта,—сказалъ онъ, чувствуя непреодолимое желаніе заглянуть въ эту страшную пропасть, гдѣ, какъ онъ слышалъ, тысячи смертей смотрятъ на рудокопа изъ каждаго угла.

Силычъ когда-то работалъ въ этой шахтѣ и охотно спустился къ ней съ Гришей.

Она сохранилась довольно хорошо. Прочныя крѣпи*) ея были сдѣланы изъ такихъ толстыхъ бревенъ, что онѣ могли просуществовать еще долго. Широкое от-

*) Крѣпи—срубъ, спускаемый въ шахту.

верстіе съ двумя поперечными перегородками было раздѣлено натрое. Въ среднемъ, самомъ меньшемъ отдѣленіи, какъ объяснилъ Силычъ, находилось прежде насосъ, при помощи котораго откачивали воду изъ шахты, а два боковыя назывались: одно—бадейнымъ, другое—лѣстничнымъ.

Самыя названія уже указывали на ихъ назначеніе, но Силычъ нашелъ нужнымъ пояснить ихъ Гришѣ.

Тутъ вотъ бадьи были. Ими руду кверху поднимали. Пока одну поднимаютъ да опорожниваютъ, въ другую внизу руду накладываютъ. Такъ они безъ перерыва и ходили: одна—вверхъ, другая—внизъ. А тутъ лѣстницы были. По нимъ мы въ шахту спускались.

У Гриши захватило духъ, когда онъ заглянулъ въ черную пропасть, зіявшую, какъ раскрытая пасть какого-то гигантскаго чудовища.

„Какъ безконечна должна быть лѣстница, спускавшаяся на дно этой пропасти, и какъ ужасенъ долженъ быть спускъ по ней!“ подумалъ Гриша и даже высказалъ это вслухъ.

— Думаешь, одна лѣстница такъ сверху донизу и вела туда?—возразилъ Силычъ.—Какъ бы тогда мы стали спускаться по ней? Одинъ оступился бы, полетѣлъ бы внизъ и опрокинулъ другихъ, которые шли передъ нимъ. Этакъ и костей бы не собрать. Нѣтъ, слава Богу, лѣстницу въ шахту не такъ дѣлаютъ. Черезъ каждыя двѣ сажени полъ настилаютъ изъ досокъ и оставляютъ въ немъ только западню, и то не противъ лѣстницы, а у другой стѣны, чтобы нельзя было

на другую, на нижнюю лѣстницу провалиться. Значитъ, спускаешься ты въ шахту, прошелъ двѣ сажени, и конецъ лѣстницѣ; спускайся дальше въ западню, и опять черезъ двѣ сажени полъ будетъ, и такъ до самаго дна шахты. Ежели ты оступишься и упадешь, такъ все же больше двухъ саженъ не пролетишь,—авось и не на смерть расшибешься... Ты говоришь, что страшно жить у меня въ сторожкѣ. Слазилъ бы ты въ шахту, тутъ бы ты узналъ, какой настоящій страхъ бываетъ. И землей-то тебя можетъ засыпать, и водой залить, ежели на подземный ручей наткнешься да въ шахту ему дорогу пробьешь, и отъ дурного воздуха можешь задохнуться. Да мало ли чего тамъ ни повстрѣчаешь? Много тамъ нашего брата гибнетъ. Спускаешься поутру,—не знаешь, воротишься ли къ вечеру. Ровно какъ въ могилу идешь... Что мнѣ теперь житье! Живу, какъ въ царствѣ небесномъ. А ты говоришь: страшно!..

Чье-то пѣніе, послышавшееся въ сторонѣ отъ дороги, заставило Силыча умолкнуть.

Между деревьевъ показался человѣкъ, который шелъ, скрестивъ руки и глядя на землю. Шелъ онъ съ непокрытой головой, напѣвая какую-то заунывную и протяжную пѣсню. Вѣтерокъ развѣвалъ его густые и длинные, черные, какъ смоль, волосы, спускавшіеся ему на лобъ. Рѣдкая сѣдина только чуть-чуть серебрила ихъ кое-гдѣ.

— Э, да это Паша!—воскликнулъ Силычъ:—чего распѣлся?

Пѣніе прекратилось. Пѣвецъ замѣтилъ Силыча и, смущенно улыбаясь, пошелъ къ нему навстрѣчу.

Это былъ сторожъ, карауливший домъ служащихъ, жившихъ на старомъ пріискѣ, по сосѣдству съ Силычемъ. Съ послѣднимъ онъ связанъ былъ узами старинной дружбы. Оба они жили на пріискѣ болѣе чет-

Общій видъ рудника.

верти столѣтія и когда-то работали въ одной шахтѣ. Они были почти ровесники, у обоихъ были взрослые внуки, но сѣдоволосый Силычъ казался значительно старше молодцоватаго Паши. Этого почему-то всѣ такъ и звали Пашей,—вѣроятно, за его моложавость. Время, дѣйствительно, проносилось надъ нимъ, словно не касаясь его.

— Ему ничего не дѣлается: изъ крѣпкаго лѣсу околоченъ!—говорили про него.

— Чего, Паша, распѣлся?—повторялъ Силычъ:—выспался бы лучше. Али ночью выспался?—прибавилъ онъ, лукаво подмигнувъ.

— Выспался!.. выспался!.. какъ бы не выспался?—скороговоркой запротестовалъ Паша.

У него была привычка по два раза повторять сказанное.

— Я, батюшка мой, по ночамъ не сплю. Не думай, не думай!

— Да я вѣдь пошутилъ. Куда ты это направился?

— Разгуляться пошелъ, пошелъ разгуляться. А ты куда это? куда ты это пошелъ?

Силычъ разсказалъ, въ чемъ дѣло.

— А что, Паша, какъ думаешь, на Шигирскомъ возьмутъ его?—прибавилъ онъ, указывая на Гришу:—у тебя вѣдь на Шигирскомъ сынъ работаетъ,—можетъ и знаешь, не надо ли тамъ работника?

— Не возьмутъ, не возьмутъ. Много тамъ народу, много. На Спорный лучше ступайте, на Спорный; а то на Касьяновскій либо на Курьинскій. Тамъ, можетъ, и примутъ, можетъ, и примутъ.

Силычъ остался доволенъ такимъ совѣтомъ. Шигирскій пріискъ былъ самый дальній изъ всѣхъ, на какіе онъ намѣревался вести Гришу. Остальные всѣ были ближе.

— Ну, такъ ладно,—сказалъ онъ:—такъ и будемъ знать, что на Шигирскій незачѣмъ ходить. А я было туда хотѣлъ его вести. Тамъ два элеватора, двѣ чаши,

такъ я думалъ, гонщиковъ тамъ больше требуется... Ты, Паша, заходи ко мнѣ въ воскресенье,—я именинникъ.

— Именинникъ? Ладно! приду, приду.

— Рюмочку-другую пропустимъ.

— Можно, можно. Это я уважаю, это я уважаю.

Пріятели распростились и разошлись въ разныя стороны.

Силычъ и Гриша повернули къ ближайшему пріиску, а Паша пошелъ въ лѣсъ допѣвать свою недопѣтую пѣсню.

III.

Около золота.

Для сокращенія пути Силычъ повелъ Гришу не дорогой, а прямо по лѣсу. Мѣстность, по которой имъ пришлось идти, была такъ изрыта, ископана, что приходилось все время обходить ямы, шурфы и длинныя узкія канавы (штроки).

— Эти штреки мы рыли, когда кварцевое золото искали,—сказалъ Силычъ,—а ямы уже старатели накопали.

По адресу послѣднихъ онъ не разъ посылалъ недобрыя пожеланія.

По дорогѣ попалась еще одна шахта, почти совсѣмъ уже разрушенная, полузакрытая досками и хворостомъ. Силычъ и ее показалъ Гришѣ.

— Я и въ этой шахтѣ работалъ,—замѣтилъ онъ съ гордостью,—а отецъ мой въ ней крѣпи дѣлалъ.

— А какъ ихъ дѣлаютъ?—спросилъ Гриша:—сверху или снизу начинаютъ?

— Извѣстно, сверху. А снизу-то какъ ты ихъ сдѣлаешь? Пока донизу доберешься, такъ тебя десять разъ землей засыплетъ. Для того и дѣлаютъ крѣпи, чтобы она не обваливалась. Пробьютъ шурфъ, скажемъ, въ сажень и сдѣлаютъ крѣпи по бокамъ, чтобы земля не осыпалась; а потомъ къ этимъ крѣпямъ все и подрубаютъ новыя, пока не дороются до пласта, гдѣ золото лежитъ либо руда. Тогда начинаютъ въ стороны рыть, эту самую породу выкапывать, которую хотятъ достать изъ земли. Выкапываютъ ее, выдалбливаютъ бурами, ежели твердая, а то и динамитомъ рвутъ; а потомъ бадьями кверху поднимаютъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ эта порода была, пусто дѣлается, ходы такіе подземные образуются, ровно корридоры. Штольнями ихъ называютъ. Чтобы у нихъ бока и потолокъ не обваливались, такъ въ нихъ тоже крѣпи дѣлаются. Выше сажени ихъ не дѣлаютъ, потому какъ опасно ихъ дѣлать выше, труднѣй укрѣплять, и скорѣй обвалы могутъ случиться. А ежели пластъ съ рудой толще сажени, въ нѣсколько саженъ (другой разъ саженъ въ двадцать бываетъ), тогда штольни дѣлаютъ одну надъ другой. Полъ у верхней штольни приходится потолкомъ у нижней, а у этой полъ опять будетъ потолкомъ для той, которая еще ниже,—все равно, какъ этажи въ домахъ бываютъ. Только въ шахтѣ ихъ не этажами зовутъ, а горизонтами. Въ нашей шахтѣ восемь горизонтовъ было. Изъ

которыхъ прямо можно было въ шахту попадать, а изъ которыхъ только черезъ другія штольни. А то я еще на другомъ рудникѣ работалъ, такъ тамъ десять горизонтовъ было. Только я не долго тамъ побылъ. Тяжело очень было.

— А на этомъ пріискѣ, куда мы идемъ, есть шахты?—спросилъ Гриша.

— На этомъ нѣту: разрѣзомъ работаютъ. А тутъ вотъ правѣе пріискъ, тамъ шахты, только не глубокія. Россыпи рѣдко попадаются на такой глубинѣ, какъ руда. Зато опять пласть у нихъ тоньше, потому штольни другой разъ бываютъ ниже сажени; въ наклонъ ужъ приходится работать, — нельзя распрямиться. Ну, да тебя въ шахту не пошлютъ: гонщики на вольномъ воздухѣ работаютъ. Вотъ, слава тебѣ, Господи, и пришли. Вонъ и пріискъ видать.

Теперь Гриша и самъ узналъ, что за зданіе показалось изъ-за лѣса. По виду оно ничѣмъ не отличалось отъ того, съ которымъ Гриша познакомился уже на рудникѣ. Та же высокая труба на крышѣ съ дугообразно изогнутымъ колѣномъ, тотъ же взвозъ и архимедовъ винтъ съ длиннымъ желобомъ, протянувшимся отъ него за отвалы.

Гриша сомнѣвался даже, точно ли это пріискъ, а не рудникъ, пока не подошелъ поближе и не заглянулъ въ таратайки гонщиковъ. То, что они подвозили для промывки, не было рудой. Это была вязкая желтая масса, состоящая изъ глины, песку и камней. Изъ наружнаго люка, къ которому подъѣзжали пустыя таратайки, тоже высыпалось не руда, а такъ называемая „галя", состоящая изъ чисто промытыхъ, гладкихъ, точно обточенныхъ, кусковъ кварца. На рудникѣ изъ этого люка вы-

сыпалось самое цѣнное вещество, остававшееся отъ промывки; а здѣсь, наоборотъ, это былъ отбросъ. Золото, подобно „орѣшинку", проваливалось изъ чаши вмѣстѣ съ пескомъ и мелкими галыками и водой уносилось на шлюзъ, осѣдая около поперечныхъ перегородокъ, задерживавшихъ его; галя же оставалась въ чашѣ; Прежде чѣмъ поступить въ люкъ, а оттуда въ таратайки, она высыпалась на площадку, гдѣ ее тщательно перегребали лопатами, чтобы удостовѣриться, не попалъ ли въ нее самородокъ. Было бы слишкомъ обидно вмѣстѣ съ отбросами увезти его на отвалъ.

Увидѣвъ проходившаго штейгера, Силычъ почтительно снялъ фуражку, дернулъ за рукавъ Гришу, чтобы онъ сдѣлалъ то же, и вкрадчиво проговорилъ:

— Сдѣлайте милость, скажите, какъ бы намъ господина смотрителя увидать?

— Сейчасъ у насъ сполоскъ будетъ, некогда ему. Хотите, такъ обождите,—на ходу проговорилъ штейгеръ и исчезъ съ видомъ занятаго и спѣшащаго человѣка.

— Сейчасъ, значитъ, золото будутъ споласкивать, какое съ утра намыли,—объяснилъ Силычъ Гришѣ.— Два раза въ день его споласкиваютъ; а гдѣ понемногу его намываютъ, тамъ только вечеромъ сполоскъ бываетъ.

— А можно поглядѣть, какъ споласкивать станутъ?

— Какъ, поди, не можно? Встанемъ къ окошечку и поглядимъ.

Въ окно, гдѣ къ тому же недоставало одного стекла, дѣйствительно можно было видѣть все, что происходило внутри зданія. Шлюзъ приходился какъ разъ противъ окна.

Пока онъ представлялся Гришѣ пологой и широкой лѣстницей, по которой зубчатыми поперечными валами струилась мутная вода, вытекавшая изъ-подъ запертыхъ дверей, находившихся вверху этой лѣстницы.

Силычъ объяснилъ ему, что за этими дверями въ углубленіи пола остается самое большое количество поступающаго сюда изъ чашъ золота. Потому двери эти запираются на замокъ и отпираются только во время сполоска. Здѣсь остаются самыя крупныя частицы золота; на шлюзъ уносятся только болѣе легкія.

— Гдѣ промывальщица? пришла она?—послышался голосъ смотрителя.

— Идетъ, ваше благородіе,—отвѣтилъ кто-то.

— Такъ начинайте!

Притокъ воды на шлюзъ прекратили, остатки ея сбѣжали по нему внизъ, и онъ оказался совсѣмъ не лѣстницей, какъ думалъ Гриша, а покатой плоскостью, на которую только были положены деревянныя рѣшетки. Ихъ было четыре. Каждая изъ нихъ представляла рядъ поперечныхъ брусьевъ, скрѣпленныхъ продольными брусьями по краямъ. Когда ихъ убрали, весь задержанный ими песокъ оказался на шлюзѣ. Нѣсколько подоспѣвшихъ женщинъ стали проворно сгребать его деревянными лопаточками въ продолговатые, глубокіе желѣзные тазы съ ручками (ендовки) и относить на другой шлюзъ—для вторичной промывки.

Этотъ шлюзъ, находившійся подлѣ перваго, былъ точно такой же длины, но былъ уже и закрытый. Въ немъ тоже были поперечныя перегородки.

— Это „американка" называется,—объяснилъ опять

Силычъ: — тамъ подъ рѣшетки мѣдные листы постилаютъ, покрытые ртутью, чтобы золото улавливать. Потому ртуть растворяетъ его, собираетъ въ одно мѣсто. Ее и въ чашу подливаютъ, въ песокъ, чтобы золото собирала.

— А теперь куда еще его понесутъ? — спросилъ Гриша, видя, что промытый на „американкѣ" песокъ снова стали выгребать въ ендовки.

Теперь этого песку стало значительно меньше.

— Теперь его будутъ окончательно промывать на вашгердѣ,—отвѣтилъ Силычъ:—вотъ это и есть вашгердъ.

Онъ указалъ на третій шлюзъ, находившійся въ сторонѣ. Это былъ деревянный станокъ аршина въ два съ половиной длиной и немного болѣе аршина шириной. Онъ состоялъ изъ „оголовка"—небольшой горизонтальной части, находившейся вверху, и наклоннаго спуска съ закраинами и одной поперечной перегородкой, дѣлившей его надвое.

Въ верхнее изъ этихъ двухъ отдѣленій и стали постепенно сыпать песокъ изъ ендовокъ; изъ „оголовка" же, представлявшаго собою нѣчто вродѣ закрытаго ящика, можно было по желанію пускать токъ воды на этотъ песокъ.

Этой операціей завѣдывала пожилая, степеннаго вида женщина въ кубовомъ сарафанѣ и бѣлой рубашкѣ старообрядческаго покроя. Темный платокъ съ разводами, покрывавшій ея голову, былъ заколотъ подъ подбородкомъ и надвинутъ до самыхъ бровей. Такъ какъ ей приходилось стоять на вашгердѣ въ

водѣ, то подолъ ея сарафана былъ тщательно подобранъ за поясъ.

— Это и есть промывальщица,—шепнулъ Силычъ Гришѣ:—замѣшкалась бы она, такъ и ополоскъ нельзя было бы начинать. Потому безъ нея ничего не подѣлаешь. Первую встрѣчную на это дѣло не сунешь: опытность нужна, сноровка. Допусти неумѣху, такъ она половину золота съ пескомъ спуститъ. А эта, можетъ, ужъ сколько лѣтъ при этомъ дѣлѣ состоитъ. Она только къ сполоску и приходитъ, а получаетъ больше другихъ бабъ.

Гриша сталъ съ любопытствомъ слѣдить за промывальщицей.

Сначала она осторожно гребла песокъ деревянной дощечкой, въ серединѣ которой была вдѣлана длинная ручка, стараясь подгребать его кверху противъ тока воды. Песокъ, разумѣется, водой относило внизъ, къ перегородкѣ, а золото оставалось вверху. Скоро оно стало явственно проблескивать.

— Тутъ и серебро есть,—замѣтилъ Гриша.

— Это не серебро, это ртуть,—возразилъ Силычъ.— Я тебѣ сказывалъ, что ее нарочно подливаютъ въ чашу.

Когда промывальщица нашла песокъ достаточно промытымъ, то спустила его въ нижнее отдѣленіе вашгерда и занялась окончательной промывкой того, что оставалось въ верхнемъ отдѣленіи. Тамъ вмѣстѣ съ крупинками золота осталось что-то черное, какъ земля; но это нѣчто, очевидно, не было землей, потому что оно не мутило воды и не уносилось ею. Это было что-то тяжелое и твердое.

Это были частички магнитнаго желѣзняка, шлиха, о которомъ говорилъ Силычъ.

Промывальщица растирала шлихъ по вашгерду и рукой, и щеткой, стараясь прогнать его внизъ, и все-таки его оставалось еще довольно много. Чтобы окончательно избавиться отъ него, она собрала остатки его магнитомъ, къ которому шлихъ пристаетъ въ видѣ коротенькихъ щетинокъ, и тогда уже сгребла щеткой золото на загнутое слегка желѣзко, на которомъ и подала его штейгеру.

Штейгеръ всыпалъ его въ ступку, куда налилъ немного воды, и сталъ толочь, закрывъ крышкой.

Это дѣлалось для того, чтобы снова раздѣлить частицы золота, собранныя ртутью, и отдѣлить отъ нихъ приставшія къ нимъ вмѣстѣ съ ртутью посторонніе частицы.

Послѣ этого промывальщица еще разъ промыла золото на вашгердѣ и тогда уже сдала его совсѣмъ.

— Это все и золото!—удивился Гриша, увидѣвъ горсточку желтыхъ крупинокъ, являющуюся результатомъ работы многихъ людей за половину рабочаго дня. Какое громадное количество песку нужно было промыть, чтобы получить эту маленькую горсточку!

— А ты думаешь, мало тутъ золота? Съ фунтъ будетъ, не меньше,—замѣтилъ ему на это Силычъ.—Къ вечеру еще столько же намоютъ. Глядишь, въ день два фунта и наберется. И то слава Богу... Ежели имъ казна за каждый золотникъ по 5 рублей заплатитъ, такъ ты сосчитай, сколько они въ день на двухъ-то фунтахъ заработаютъ. Ты грамотный, въ школѣ учился, ну, и сосчитай.

Гриша, хотя и не безъ труда, сосчиталъ и даже ахнулъ отъ удивленія. Получившаяся сумма казалась ему громадной.

— Ладно сколько! а я думалъ, маленько.

— То-то вотъ и есть,—замѣтилъ Силычъ:—смотрика, золото какое теперь стало: они его азотной кислотой облили, чтобы всякую примѣсь объѣла.

Облитое кислотой, золото стало кроваво-краснымъ и дымилось, распространяя ѣдкій удушливый запахъ.

Гришѣ невольно вспомнилось, что разсказывала и читала въ школѣ учительница о бурской войнѣ, объ этихъ потокахъ человѣческой крови, лившейся изъ-за золота, и ему стало жутко. Видъ золота сталъ ему страшенъ и непріятенъ.

Золото, между тѣмъ, высыпали на бумажку, положили на желѣзную сковородку, закрыли крышкой и поставили въ жаровню—отжигать. Когда потомъ раскаленную докрасна сковородку вынули обратно и высыпали изъ нея золото, оно снова оказалось желтымъ и имѣло тотъ видъ, какой былъ у него до соприкосновенія съ азотной кислотой.

Теперь оставалось только свѣсить его, что и было сдѣлано.

— Девятьсотъ пять золотниковъ,—объявилъ одинъ изъ вѣсившихъ.

Другой служащій записалъ эту цифру на бумажномъ пакетикѣ, и золото было сыпано туда. Послѣ этого его уже сдали смотрителю. Когда онъ пошелъ въ свою квартиру, Силычъ подошелъ къ нему и, низко кланяясь, изложилъ свою просьбу.

— И радъ бы душой, да не могу,—отвѣтилъ смотритель:—намъ тоже предписано сокращать работы, а не расширять ихъ. Потому брать лишнихъ рабочихъ я не имѣю никакой возможности... Попробуйте, сходите куда-нибудь въ другое мѣсто. Только у нашихъ хозяевъ врядъ ли примутъ: вездѣ полно.

Нечего было дѣлать; приходилось убираться ни съ чѣмъ.

Силычъ рѣшилъ попытать счастья еще на одномъ пріискѣ, находившемся неподалеку отъ этого.

— Если и тамъ не возьмутъ, тогда ужъ не знаю, куда тебя и вести,—сказалъ онъ почти съ досадой.

Онъ почти не надѣялся, что эта новая попытка будетъ имѣть какой-нибудь успѣхъ.

Что касается Гриши, то онъ совсѣмъ упалъ духомъ. Слова смотрителя отняли у него всякую надежду.

Идти было недалеко, и скоро хорошо знакомое теперь Гришѣ зданіе снова предстало передъ его глазами. Только у этого зданія не было взвоза, и Гриша сразу это замѣтилъ.

— А на что имъ взвозъ?—возразилъ ему на это Силычъ:—они песокъ машиной кверху поднимаютъ,—элеваторомъ называется.

Гриша остановился посмотрѣть на диковинное сооруженіе, когда они подошли къ нему. Оно находилось какъ-разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ бы долженъ былъ находиться взвозъ, и тоже имѣло видъ покатой наклонности, только болѣе круто спускавшейся.

Элеваторъ представлялъ изъ себя рядъ глубокихъ желѣзныхъ черпаковъ, скрѣпленныхъ другъ съ дру-

томъ на подобіе безконечной цѣпи, т. е. цѣпи, концы которой сомкнуты одинъ съ другимъ. Перекинутая черезъ валъ и приводимая въ движеніе зубчатыми колесами, цѣпь эта, какъ по рельсамъ, катилась по наклоннымъ чугуннымъ брусьямъ, поднимавшимся отъ земли къ валу, и снова спускалась, образуя собой нѣчто вродѣ неправильнаго колеса.

Подъ элеваторомъ было устроено углубленіе—люкъ, куда всыпалась предназначенная для промывки масса. Каждый чорпакъ, очутившись внизу, прежде чѣмъ начать подниматься, вновь наталкивался на эту массу, зачерпывалъ ее и потомъ уже вмѣстѣ съ нею поднимался вверхъ къ чашѣ. Надъ чашей онъ опрокидывался, потому что она приходилась какъ-разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ долженъ былъ поворачивать внизъ, спускаясь съ вала, и онъ спускался уже опорожненнымъ. Пока двѣнадцать чорпаковъ одинъ за другимъ наполнялись, остальные тринадцать одинъ за другимъ опоражнивались. Всѣхъ ихъ было двадцать пять, и каждый вмѣщалъ въ себя по семи пудовъ песку. Стало быть, каждый полный оборотъ элеватора доставлялъ чашѣ 175 пудовъ.

И гонщики, и ихъ лошади, и самый навозъ такимъ образомъ становились не нужны,—по крайней мѣрѣ, въ такомъ количествѣ люди и лошади не были нужны, какъ на пріискахъ безъ элеватора.

Отъ того мѣста, гдѣ сваливался добытый изъ шахты песокъ, къ элеватору были проложены рельсы, и по нимъ этотъ песокъ подвозился къ нему въ такъ называемыхъ вагонеткахъ, т. е. въ ящикахъ съ колесками,

похожихъ на вагончики и также сцѣплявшихся одинъ съ другимъ.

Достаточно было одной лошади, управляемой однимъ человѣкомъ, чтобы подкатить къ элеватору сразу нѣсколько такихъ вагонетокъ.

Надъ люкомъ, изъ котораго элеваторъ черпалъ песокъ, былъ устроенъ самодѣйствующій опрокидыватель, который мгновенно опускался, какъ только ставили на него полную вагонетку, и заставлялъ ее перевертываться вверхъ дномъ, теряя равновѣсіе подъ ея тяжестью. Когда же песокъ высыпался изъ вагонетки, опрокидыватель вмѣстѣ съ нею принималъ снова горизонтальное положеніе.

— Ну, парень, врядъ ли тебѣ найдется здѣсь работа, — сказалъ Силычъ: — имъ и людей не надо, все машины дѣлаютъ.

Гриша и самъ подумалъ это.

Даже гальку, остававшуюся отъ промывки, отвозили на отвалы въ вагонеткахъ, также по рельсамъ.

Все-таки Силычъ рѣшилъ поговорить со смотрителемъ. Здѣсь тоже имъ съ Гришей посчастливилось попасть къ сполоску. На этотъ разъ онъ случился позднѣе обыкновеннаго: промывальщица запоздала и не пришла во время.

Такъ какъ шлюзъ былъ устроенъ подъ открытымъ небомъ, то весь процессъ сполоска происходилъ на виду.

Шлюзъ былъ такого же устройства, какъ и на предыдущемъ пріискѣ, только нѣсколько больше, и рѣшетки на немъ были желѣзныя, а не деревянныя, да

вверху и внизу шлюза были постланы веревочные коврики-маты—для задержки мелкаго золота.

Вашгердъ былъ также одинаковаго устройства. Даже промывальщица какъ-будто походила на первую: тоже была пожилая и степенная, въ такомъ же подоткнутомъ темномъ сарафанѣ и низко надвинутомъ платкѣ.

Но Силычъ, очевидно, замѣтилъ какую-то разницу между той промывальщицей и этой.

— Эта получше той будетъ,—шепнулъ онъ Гришѣ:— не торопится, моетъ съ толкомъ.

Вѣроятно, на этомъ пріискѣ золото содержало менѣе посторонннихъ примѣсей, такъ какъ послѣ промывки его прямо поставили отжигать, не подвергая дѣйствію азотной кислоты.

При взвѣшиваніи его оказалось нѣсколько больше, чѣмъ на предыдущемъ пріискѣ.

Хотя Силычъ поклонился этому смотрителю еще ниже, еще вкрадчивѣй наложилъ свою просьбу, но и здѣсь результатъ получился тотъ же: Гриша, какъ рабочая сила, не былъ нуженъ здѣсь...

Печальные и разочарованные побрели наши путники домой. Особенно печалился Гриша. Тяжело и скверно было у него на душѣ. Онъ представлялъ себѣ, какъ закручинится, какъ зальется слезами его мать, какъ снова онъ станетъ обузой для нея, лишнимъ ртомъ, и не видать ему уже той ласки, того уваженія, какими онъ пользовался, какъ кормилецъ семьи.

„Не бывать же этому!“ упрямо подумалъ онъ про себя: „хоть въ батраки, да куда-нибудь наймусь“.

— А что, развѣ къ старателямъ толкнемся?—сказалъ Силычъ, увидѣвъ двухъ мужичковъ, копошившихся въ лѣсу около рва съ водой, на краю котораго у нихъ былъ выкопанъ шурфъ.

— По мнѣ хоть куда, только бы взяли!

— Э, да это дерновики!—пренебрежительно замѣтилъ Силычъ, когда они подошли ближе,—чай, сами съ хлѣба на квасъ перебиваются; гдѣ имъ работника прокормить, коли у нихъ и на станокъ денегъ не хватаетъ?

— Какіе дерновики?—спросилъ Гриша.

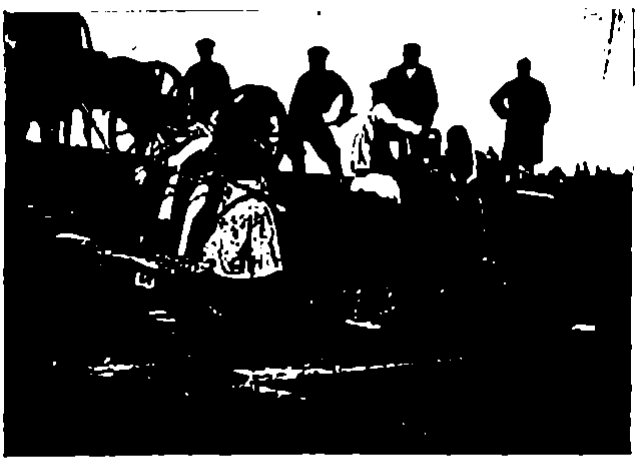
— Да вотъ тѣ, что золото на дернѣ промываютъ. Видишь вонъ: дерна себѣ набрали, сложили ступеньками да и моютъ на немъ. Словъ нѣтъ, золото между травинками осѣдаетъ, пожалуй, не хуже, чѣмъ на деревянномъ станкѣ; только глядѣть какъ-то нехорошо: ровно балуются, а не по-настоящему работаютъ.

Такъ Силычъ и не поговорилъ съ этими старателями относительно Гриши.

— Лучше у тѣхъ спросимъ,—сказалъ онъ,—которые версты за полторы отъ меня роются—за отвалами, въ старомъ разрѣзѣ. У тѣхъ что-то народу все прибываетъ. Должно полагать, наткнулись на золото. Сперва двое только было, а теперь человѣкъ двадцать работаетъ... Можетъ, работа подъ бокомъ найдется, а мы далеко ходили искать.

Гриша только вздохнулъ въ отвѣтъ на это благое предположеніе: онъ уже не вѣрилъ въ возможность такъ скоро и легко найти себѣ работу. А между тѣмъ разсчетъ Силыча оказался вѣрнымъ. Старатели дѣйствительно откопали кое-какія крохи, уцѣлѣвшія отъ до-

бытыхъ розсыпей, и разсчитывали проработать съ ними до заморозковъ. Гриша былъ для нихъ далеко не лишнимъ помощникомъ, и они охотно согласились взять его въ работники.



Старатели, промывающіе золото на ручной станкѣ.

Это были уже не дерновики, а болѣе или менѣе зажиточные старатели. У нихъ былъ настоящій деревянный вашгердъ для промывки золотоноснаго песку и нѣкоторое подобіе чаши для удаленія изъ него крупныхъ галекъ. Хотя всѣ эти приспособленія были самаго незатѣйливаго и первобытнаго устройства, тѣмъ не менѣе они выполняли свое назначеніе.

Подобіе чаши состояло изъ желѣзнаго листа, въ которомъ были пробиты отверстія и который былъ укрѣпленъ по краямъ надъ верхней частью вашгерда.

Сюда сыпался золотоносный песокъ и смачивался лившеюся на него по жолобу водой. Размѣшивался онъ не пестами, какъ на пріискѣ, а просто лопатами. Лопатой же выгребались въ тачку и оставшіяся отъ промывки гальки. А освобожденный отъ нихъ песокъ уносился водой на вашгердъ и тамъ подвергался окончательной промывкѣ. Разумѣется, она была не такъ тщательна, какъ настоящая пріисковая, и самыя мелкія частицы золота пропадали, уносимыя водой.

Замѣчателенъ былъ способъ, при помощи котораго вода для промывки доставлялась въ жолобъ. Для этой цѣли устроенъ былъ своего рода элеваторъ, поднимавшій воду изъ разрѣза. Только цѣпи замѣнялись у него обыкновенной толстой веревкой, а черпаки—придѣланными къ ней кожаными мѣшочками. Веревка эта двигалась при помощи деревяннаго колеса, на которое она была надѣта, а колесо приводилось въ движеніе лошадью, кружившеюся около столба, къ которому было придѣлано другое колесо, управлявшее движеніемъ перваго. Промывкой золота занѣдывали женщины. Мужчины только доставали имъ песокъ и воду.

Хотя плату Гришѣ назначили нѣсколько меньше той, какую онъ получалъ на рудникѣ, но онъ былъ радъ и ей. Лучше получать что-нибудь, чѣмъ ничего.

Рѣшено было, что съ завтрашняго дня онъ начнетъ работать. Ночевать онъ могъ ходить къ дѣдушкѣ..

— Правду говоритъ пословица: не плюй въ коло-

децъ—пригодится воды напиться,—сказалъ Силычъ, когда онъ съ Гришей возвращался къ себѣ:—я раньше все ругалъ старателей, а вотъ теперь они пригодились...

Старательскій водоподъемный снарядъ (веревка съ кожаными мѣшочками).

Смотри, парень, какъ станешь работать, гляди въ оба,—не попадетъ ли самородокъ. Хоть и маленькая попадется золотинка, а она дорого стоитъ. Я знаю одного парня—на пріискахъ робитъ, такъ онъ сколько ужъ самородковъ нашелъ. Такой ужъ глазъ счастливый. Другой и мимо пройдетъ, да не увидитъ; а этотъ какъ ястребъ высматриваетъ... Ты теперь видѣлъ, какое золото бываетъ, ну, и смотри хорошенько, чтобы не прозѣвать.

Этотъ совѣтъ понравился Гришѣ, и онъ рѣшилъ принять его къ свѣдѣнію.

Чтобы не проспать завтра и раньше уйти на работу, онъ легъ съ заходомъ солнца.

Силычъ уступилъ ему свою лѣтнюю спальню, собственноручно устроенную имъ изъ досокъ конуру наверху навоза, подъ крышей. Туда можно было только вползать, но не входить. Постелью служила та же полынь.

Гриша заснулъ не сразу. Впечатлѣнія протекшаго дня проносились въ его головѣ, путались и мѣшались одно съ другимъ. Проснулся онъ съ неяснымъ ощущеніемъ какой-то свалившейся съ плечъ тяжести, со смутнымъ воспоминаніемъ чего-то хорошаго, случившагося съ нимъ.

Онъ тотчасъ же вспомнилъ, что у него опять есть работа, и съ добрымъ, радостнымъ чувствомъ выползъ изъ своей конуры. Утро было пасмурное, ненастное. Низкія облака быстро бѣжали по сѣрому, словно задернутому паутиной, небу. Накрапывалъ частый мелкій дождь, обѣщавшій разойтись надолго. Вся окрестность была окутана мутной мглой. Горъ совсѣмъ не было видно.

— Правду ты сказалъ, что будетъ ненастье,—замѣтилъ Силычу Гриша, одѣваясь, чтобы идти на работу.

— Ничего, не сахарный, не размокнешь,—отвѣтилъ ему на это Силычъ.

Съ такимъ напутствіемъ Гриша отправился на новую работу, жуя на ходу краюху чернаго хлѣба.